

На правах рукописи

РЫБОЛОВЛЕВА Юлия Валерьевна

**СИЛОВЫЕ БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ
РОССИИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ЭКСПЕРТНОЙ РИТОРИКИ**

Специальность 22.00.04 – социальная структура,
социальные институты и процессы

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Казань – 2012

Диссертация выполнена на кафедре государственного, муниципального управления и социологии ФГБОУ ВПО «Казанский национальный исследовательский технологический университет».

Научный руководитель: кандидат социологических наук, доцент
Сергеева Зульфия Харисовна

Официальные оппоненты: доктор философских наук
Фатхуллин Нариман Садриевич
Институт экономики, управления и права
(г.Казань)

кандидат социологических наук
Сафин Рустем Рамилевич
маркетолог-аналитик ООО «ЦАИР-Маркетинг»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Казанский государственный энергетический университет»

Защита состоится «12» апреля 2012 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.25 при Казанском федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35, конференц-зал научной библиотеки.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского КФУ (г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35).

Электронная версия автореферата опубликована на официальном сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» <http://www.ksu.ru>.

Автореферат разослан «__» марта 2012 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

С.А. Ахметова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. С начала 2000-х гг. многие отечественные и зарубежные обозреватели отмечают возрастающее влияние силовых бюрократических организаций в современной России в современной России. Организации, которые мы называем «жесткими» (органы государственной безопасности и правоохраны, таможня, органы прокуратуры, государственной охраны), начинают все активнее влиять на социально-экономическую и политическую жизнь российского общества, а понятие «siloviki» входит в обиход англоязычных материалов, посвященных нашей стране¹. Использование термина «жесткие» организации» для описания силовых бюрократических организаций является уместным в силу того, что данный концепт позволяет вычленив группу государственных структур, находящихся в промежуточном положении между «мягкими» организациями с «плоской» структурой управления (например, НКО – некоммерческие организации), гражданскими бюрократическими организациями (большая часть государственного аппарата), с одной стороны, и тотальными институтами, такими, как места заключения в пенитенциарной системе и т.п. с другой.

Усиление влияния силовых бюрократических организаций не является исключительно российской особенностью – после террористических атак 11 сентября 2001 г. западные исследователи все чаще обращают внимание на рост влияния организаций, призванных обеспечить общественную безопасность и охрану правопорядка, в результате чего в научном дискурсе нередко можно встретить понятия «секьюритизация общества» (securitization of society)² и лассуэловское «государство-гарнизон» (garrison state)³.

С начала президентского правления В.В. Путина доля выходцев из «жестких» организаций в политической и бизнес-элите увеличивалась. Согласно данным на 2003 г., из тринадцати человек, в разное время бывших или являвшихся полномочными представителями президента РФ в федеральных округах, семеро имели непосредственное отношение к ФСБ, МВД, прокуратуре и вооруженным силам. Из 107 главных федеральных инспекторов (ГФИ) ранее в

1

См. напр.: Atland, K. When Security Speech Acts Misfire: Russia and the Elektron Incident / K. Atland, K. Ven Bruusgaard // Security Dialogue. – 2009. – Vol. 40. – P.333-353; Cerny, P.G. Some Pitfalls of Democratisation in a Globalising World: Thoughts from the 2008 Millennium Conference / P. G. Cerny // Millennium - Journal of International Studies. – 2009. – Vol.37. – P.767-790; Hanson, S.E. Postimperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia / S.E. Hanson // East European Politics and Societies. – 2006. – Vol.20. – P.343-372 и др.

2

См. напр.: Bernazzoli, R.M. From militarization to securitization: Finding a concept that works / R.M. Bernazzoli, C. Flint // Political Geography. – 2010. – Vol.28. – P.449-450.

3

См. напр.: Friedberg, A.L. In the Shadow of the Garrison State / A.L. Friedberg. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. – 416 p.; Bernazzoli, R.M. Embodying the garrison state? Everyday geographies of militarization in American society / R.M. Bernazzoli, C. Flint // Political Geography. – 2010. – Vol.29. – P.157-166.

жестких организациях состояли не менее 38 человек; в то же время до трех четвертей ГФИ первого состава ранее служили в спецслужбах или силовых структурах, а в руководстве полпредств доля выходцев из жестких организаций в 2000-2003 гг. имела тенденцию к увеличению от трети до двух пятых⁴. По данным О.В. Крыштановской, доля «силовиков» в российской элите выросла за период с 1993 по 2003 гг. в два раза (с 11,2 до 25,1%)⁵, тогда как, согласно данным «Новой газеты» на середину 2004 г., доля представителей «жестких» организаций в высшей политической элите страны составляла около 77 %⁶. Американские исследователи Ш. и Д. Ривера считают, что «сегодня 25% элиты рекрутируется из различных учреждений безопасности», причем «приток силовиков на высокие посты - как государственные, так и общественные» продолжался и во второй президентский срок В.В. Путина⁷.

Параллельно с активным проникновением представителей силовых структур в органы власти происходит усиление и позиций самих «жестких» организаций и повышение их влияния (еженедельник «The Economist» назвал это «строительством неоКГБистского государства»⁸), а также возникновение общественной дискуссии о роли подобных организаций в российском обществе, о реформировании «силовых» структур, о недопустимости злоупотребления своими полномочиями, о борьбе с «оборотнями в погонах». Дискуссия по проблематике «жестких» организаций характеризуется активным участием в ней различных экспертов, как оппозиционных, так и лояльных властям, что, наряду с другими факторами, сказалось на признании ситуации в качестве проблемной высшим руководством страны. В частности, в конце 2009 г. президентом Д.А. Медведевым был подписан Указ «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», предполагавший оптимизацию штатной численности МВД, увеличение его финансово-материального обеспечения, пересмотр правил приема сотрудников на службу и т.д.⁹, а в феврале 2011 г. был принят Федеральный закон «О полиции»¹⁰, отменивший

⁴ Подр.см.: Федеральная реформа 2000-2003. Т.1. Федеральные округа. – М., 2003. – С.466-471; Зубаревич, Н. Федеральные округа: сравнительный очерк / Н. Зубаревич, Н. Петров, А. Титков // Федеральная реформа 2000-2003. Т.1. Федеральные округа. – М., 2003. – С. 101, 115.

⁵ Подр.см.: Kryshchanovskaya, O. Putin's Militocracy / O. Kryshchanovskaya, S. White // Post-Soviet Affairs. – 2003. – Vol. 19. – P.293.

⁶ Подр. см.: Агенты влияния // Новая газета. – 2004. – 30 августа.

⁷ Ривера, Ш. К более точным оценкам трансформаций в российской элите //Ш. Ривера, Д. Ривера // Политические исследования. – 2009. – №5. – С.157.

⁸ См.: Russia under Putin: The making of a neo-KGB state // The Economist. – 2007. – №8543. – P.25-28.

⁹ Подр. см.: О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента РФ от 24 декабря 2009 № 1468 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – №52. – Ч.1. – Ст. 6536.

¹⁰ См.: О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ // Российская газета. – 2011. – 7 февраля.

действие разработанного в начале 1990-х гг. Закона РФ «О милиции»¹¹, хотя и вызывавший неоднозначные оценки как у экспертного сообщества, так и граждан¹².

Вместе с тем, целостное научное осмысление экспертной риторики¹³, посвященной проблемам «жестких» организаций, отсутствует. Использование феноменологического инструментария для анализа акцентируемых экспертным сообществом проблем, присущих «жестким» организациям, является альтернативой объективистскому «прочтению» событий последнего десятилетия. Именно поэтому заявленная тема диссертационной работы представляется актуальной.

Степень научной разработанности проблемы. Научная разработанность темы феноменологического анализа экспертной риторики по проблемам, характерным для «жестких» организаций, может быть представлена двумя крупными блоками научной литературы.

Первый блок связан с теорией организации, которая родилась и получила дальнейшую разработку благодаря исследованиям таких авторов, как Ч.Бернард, Т. Бернс, П. Блау, М. Кетс де Врайс, Дж. А. Литтерер, Дж. Марч, Д. Миллер, Г. Саймон, А. Стинхкомб, К. Столкер, Г. Хикс, А. Этциони¹⁴.

Концепт бюрократической организации рассматривался в трудах М. Вебера, А. Гоулднера, Т. Де Грегори, А. Лоутона, Р. Мертона, Р. Печинино, Э. Роуза, Р. Томпсона и др.¹⁵. Термин «тотальная организация» (total institution)

¹¹ См.: О милиции: Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1021-1 (с изм. на 2 ноября 2007 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. – 1991. – №16. – Ст. 503.

¹² См. напр.: Обсуждение законопроекта о полиции [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2010. – 11 августа. – Режим доступа: http://www.rg.ru/police_discuss, свободный.

¹³ Под экспертной риторикой понимаются семантические способы лингвистического (текстуального) конструирования реальности экспертным сообществом. Данный термин используется для выделения в качестве предмета лингвистической или текстуальной продукции, производимой экспертным сообществом и во многом сродни используемому в социальных науках понятию «дискурс» (Прим. авт.).

¹⁴ См.: Barnard, C. The Functions of the Executive / C. Barnard. – NY.: Harvard University Press, 2005; March, J. G. Organizations / J.G. March, H.A. Simon. – NY.: Wiley, 1967; Hicks, G. Management of Organizations / G. Hicks. – NY.: McGraw Hill, 1967; Blau, P. Formal Organizations: A Comparative Approach / P. M. Blau, W. R. Scott. – San Francisco: Chandler Publishing, 1962; Stinchcombe, A. L. Social structure and organizations /A.L. Stinchcombe //Handbook of Organizations /Ed. J.G. March. – Chicago: Rand-McNally, 1965; Burns, T. The Management of Innovation / T. Burns, C. Stalker. – London,1961; Litterer, J.A. The Analysis of Organizations / J.A. Litterer. – NY.: Wiley, 1973; Kets de Vries, M. The Neurotic Organization: Diagnosing and Changing Counterproductive Styles of Management / M. Kets de Vries, D. Miller. – San Francisco: Jossey-Bass, 1984 и др.

¹⁵ См.: Вебер, М. Основные социологические понятия // Избранные произведения /М. Вебер: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова. – М.: Прогресс, 1990. – С.602-634.; Merton, R. Bureaucracy Structure and Personality /R. Merton // Social Forces. – 1940. – Vol.18. – P.560-568; Gouldner, A. Patterns of Industrial Buerocracy /A. Gouldner. – NY.: Free Press, 1954; Лоутон, А. Организация и управление в государственных учреждениях /А. Лоутон, Э. Роуз / Пер. с англ. – М., 1993; Pecchinino, R.A. Behavior of Corporate Bureaucrats /R.A. Pecchinino // Bureaucracy: Three Paradigms. – Boston – Dortrecht – London, 1993;

введен в социологический дискурс И. Гофманом, развит А. Этzioni (coercive organization) и более детально проработан Л. Пэнто¹⁶. Значимый вклад в понимание концепта тотальной организации внесли исследования М. Фуко¹⁷.

В работах западных социологов встречаются отдельные исследования т.н. квази-тотальных организаций, таких, как армейские учебные подразделения (Л. Зурчер), приюты для бездомных детей (У. Эрмалайн), учреждения социальной защиты (Э. Уэбб, Х. Шмид), поликлиники и медицинские центры (К. Хассенстаб), а также крупные предприятия в моногородах (Р. Руммель)¹⁸.

Отечественная социология организации развивалась несколько в ином русле, хотя для отечественных ученых основные западные подходы были не чужды. Такие ученые, как Д.М. Гвишиани, Л.И. Евенко, Ю.Н. Екатеринославский, Б.З. Мильнер, Г.Х. Попов, Д.А. Поспелов адаптировали достижения западной социологии организации к условиям СССР¹⁹. Существенный вклад в развитие отечественной социологии организации внесли и такие ученые, как Н.И. Лапин, А.И. Пригожин,

De Gregori, T. An Institutional Theory of Bureaucracy / T. De Gregori, R.J. Thompson // *Bureaucracy: Three Paradigms*. Boston – Dortrecht – London, 1993 и др.

16

См.: Goffman, E. *Asylums. The Essays on the Social Situation of the Mental Patients and Other Inmates* / E. Goffman. – London: Penguin Books Ltd., 1961. – 386 p.; Etzioni, A. *Modern Organizations* / A. Etzioni. – Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1964. – 120 p.; Etzioni, A. A comparative analysis of complex organizations: on power, involvement, and their correlates / A. Etzioni. – Glencoe, IL: Free Press, 1961. – 366 p.; Пэнто Л. Личный опыт и научное требование объективности / Р. Ленуар, Д. Мерлье, Л. Пэнто, П. Шампань. Начала практической социологии. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001. – С. 19-75.

17

См.: Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999.

18

Подр. см.: Zurcher, L. A. The naval recruit training center: A study of role assimilation in a total institution. / L.A. Zurcher // *Sociological Inquiry*. – 1967. – Vol. 37. – P. 85-98; Zurcher, L. A. Alternative Institutions and the Mutable Self: An Overview / L.A. Zurcher // *Journal of Applied Behavioral Science*. – 1973. – Vol. 9. – P. 369-380; Zurcher, L. A. The mutable self: A self-concept for social change / L.A. Zurcher. – Beverly Hills, Calif.: Sage, 1977. – 279 p.; Armaline, W.T. «Kids Need Structure». Negotiating Rules, Power, and Social Control in an Emergency Youth Shelter / W.T. Armaline // *American Behavioral Scientist*. – 2005. – Vol. 48. – № 8. – P. 1124-1148; Webb, A. Social Service Administration: A Typology for Research / A. Webb // *Public Administration*. – 1971. – Vol. 49. – №3. – P. 321- 339; Schmid, H. The relationship between organizational properties and service effectiveness in three types of nonprofit human services / H. Schmid // *Public Personnel Management*. – 2002. – Vol. 31. – №3. – P. 377-395; Hassenstab, C.M. The Inspection House: panopticism, gynopticism and prenatal genetic screening/ C.M. Hassenstab // *Theory & Science*. – 2007. – Vol. 9. – № 1; Rummel, R.J. Types of groups and anti-fields // *The conflict helix* / R.J. Rummel. – Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1976. – P. 215-217. – (Understanding war and conflict: 5 Vols. / R.J. Rummel: Vol. 2).

19

См.: Гвишиани, Д.М. Организация и управление / Д.М. Гвишиани. – М.: Наука, 1972; Гвишиани, Д.М. Социология бизнеса / Д.М. Гвишиани. – М.: Соцэкгиз, 1962; Мильнер, Б. З. США: современные методы управления / Б.З. Мильнер. – М.: Наука, 1971; Мильнер, Б. З. Американские теории управления / Б.З. Мильнер. – М.: Мысль, 1978; Попов, Г.Х. Проблемы теории управления / Г.Х. Попов. – М.: Экономика, 1974; Евенко, Л.И. Организационные структуры управления промышленными корпорациями США: Теория и практика формирования / Л.И. Евенко. – М.: Наука, 1983; Екатеринославский, Ю.Ю. Управленческие ситуации. Анализ и решения / Ю.Ю. Екатеринославский. – М.: Экономика, 1988; Поспелов, Д.А. Ситуационное управление / Д.А. Поспелов. – М., 1986 и др.

Е.П. Попова, Г.П. Щедровицкий, В.В. Щербина²⁰. Среди отечественных исследователей бюрократических организаций можно отметить труды О.В. Агеева, Г.В. Пушкаревой, В.И. Спиридоновой, С.В. Устинкина²¹.

Для отечественной социологии также характерно рассмотрение проблематики «тотальных» и «жестких» организаций через анализ отдельных институтов. Так, исследования В.Н. Ведерникова, Ю. Дерюгина, В. Серебрянникова и С.С. Соловьева посвящены военной социологии и армии, работы А.Ф. Караева, О.А. Коленникова, Ю.Ю. Комлева, Д.Д. Невирко, Р.В. Черкасова рассматривают проблематику правоохранительных органов, а труды Т.А. Бондаренко и В.Н. Земскова – иных «силовых структур» России²².

20

См.: Пригожин, А.И. Нововведение: стимулы и препятствия / А.И. Пригожин. – М. 1989; Пригожин, А.И. Организации: системы и люди / А.И. Пригожин. – М.: Политиздат, 1983; Пригожин, А.И. Развитие теории организаций в индустриальной социологии / А.И. Пригожин // Социологические исследования. – М.: Наука, 1970. – №3; Пригожин, А.И. Социологические аспекты управления / А.И. Пригожин. – М.: Знание, 1974; Пригожин, А.И. Социология организаций / А.И. Пригожин. – М.: Наука, 1980; Пригожин, А.И. Современная социология организаций. Учебник / А.И. Пригожин. – М.: Наука, 1995; Лапин, Н.И. Проблемы социологического анализа организационных систем / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 1974. – №7; Лапин, Н.И. Теория и практика социального планирования / Н.И. Лапин, Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. – М.: Политиздат, 1975; Щедровицкий, Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций / Г.П. Щедровицкий. – М., 2000. – 379 с.; Щедровицкий, Г.П. Проблемы методологии системного исследования / Г.П. Щедровицкий. – М., 1964; Щербина, В.В. Социология организаций // Социология труда / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины. – М., 1993; Щербина, В.В. Современные концепции структурных изменений в организации / В.В. Щербина, Е.П. Попова // Социологические исследования. – 1996. – №1; Щербина, В.В. Социальные теории организации. Словарь. / В.В. Щербина. – М.: ИНФРА-М, 2000; Попова, Е.П. Проблема критериев организационного развития: выживание или эффективность / Е.П. Попова // Социологические исследования. – 2004. – №9; Попова, Е.П. Рациональный выбор как способ решения проблемы неопределенности в организации / Е.П. Попова // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т.1. – Вып.1 и др.

21

См.: Пушкарева, Г.В. Государственная бюрократия как объект исследования / Г.В. Пушкарева // Общественные науки и современность. – 1997. – № 5; Спиридонова, В.И. Бюрократия и реформа / В.И. Спиридонова. – М.: ИФРАН, 1997; Устинкин, С.В. Бюрократия и политика / О.В. Агеев, С.В. Устинкин. – Нижний Новгород: ННГУ, 2003 и др.

22

Подр. см.: Ведерников, В.Н. Военная социология: вопросы теории, методологии, истории и практики / В.Н. Ведерников. – М.: ГАВС, 1994; Соловьев, С.С. Основы практической военной социологии / С.С. Соловьев. – М.: Анкил-ВОИН, 1996; Серебрянников, В. Социология армии / В. Серебрянников, Ю. Дерюгин. – М.: ИСПИ РАН, 1996. – 304 с.; Караев, А.Ф. Организация социально-психологической адаптации молодых сотрудников органов внутренних дел / А.Ф. Караев, Н.Л. Макаров, В.И. Филиппенко // Криминология и юридическая психология в развитии толерантности: Материалы международной научно-практической конференции (Омск, май 2002 г.). – Омск: Изд-во Омск. акад. МВД России, 2002. – С. 84-90; Комлев, Ю.Ю. Оптимизация взаимодействия органов внутренних дел и средств массовой информации в современном российском обществе: автореф. дис... докт. соц. наук: 22.00.08 / Ю.Ю. Комлев. – Уфа, 2002; Комлев, Ю. Ю. Средства массовой информации в коммуникативной деятельности органов внутренних дел: проблемы теории и практики / Ю.Ю. Комлев, Л.Г. Толчинский, В.Н. Демидов. – М.: Изд-во ВНИИ МВД России, 2001. – 204 с.; Невирко, Д.Д. Деятельность милиции в зеркале общественного мнения / Д.Д. Невирко, В.Е. Шинкарев, Н.А. Горбач // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 76-84; Коленникова, О.А. Трансформация правоохранительных органов в России: социально-политические последствия / О.А. Коленникова // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 69-76; Черкасов, Р.В. СМИ и общественное мнение о милиции / Р.В. Черкасов // Социологические исследования. – 2006. – № 4. – С. 85-88; Бондаренко, Т.А. Стереотип восприятия правоохранительных органов в Дальневосточном регионе

Исследование дисфункций в системе «жестких» организаций России проводилось в работах С.Ю. Барсуковой, В.В. Волкова, Л.Д. Гудкова, Б.В. Дубина, О.В. Крыштановской, О.А. Коленникова, Л.Я. Косалса, Р.В. Рыбкина²³.

Второй блок научной литературы по предмету исследования связан с феноменологическим направлением в социологии. Прежде всего, это труды основоположников данного направления – А.Шютца и его последователей П. Бергера и Т.Лукмана²⁴.

Наиболее существенные теоретические находки социологической феноменологии связаны с теорией конструирования социальных проблем (Дж. Бест, Дж. Китсьюз, М. Спектор, И.Г. Ясавеев)²⁵. Определенный интерес для нашего исследования данная теория представляет еще и потому, что она вносит вклад в понимание риторических приемов и методов, используемых для конструирования социальных проблем и социальной реальности (Дж. Бест, П. Ибарра, Дж. Китсьюз, Д. Лосик)²⁶. Существенным подспорьем для работы над диссертацией послужили работы отечественных социологов (Л.А. Бурганова, Е.А. Здравомыслова, П.А. Корнилов, П.А. Мейлахс, Ж.В. Савельева (Журавлева), А.А. Темкина, Л.Г. Хадиева, И.Г. Ясавеев и др.)²⁷,

/ Т.А.Бондаренко // Социологические исследования. 2006. – № 1. – С.99-103; Земсков, В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1991. – №6, и др.

²³ См.: Крыштановская, О.В. Нелегальные структуры в России / О.В. Крыштановская // Социологические исследования. – 1995. – №8. – С.94-106; Волков, В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ / В.В. Волков. – М., Изд. ГУ ВШЭ, 2005. – 350 с.; Коленникова, О.А. Коммерциализация служебной деятельности работников милиции / О.А. Коленникова, Л. Я. Косалс, Р.В. Рыбкина // Социологические исследования. – 2004. – №3. – С.73-83; Барсукова, С.Ю. Таможня и бизнес: от теневого тандема к легализации? / С.Ю. Барсукова // Мир России. – 2002. – Т.11. – №2. – С.70-92; Гудков, Л.Д. Приватизация полиции / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. – 2006. – 1(81).

²⁴ См.: Шюц, А. Избранное. Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М., РОССПЭН, 2004. – 1056 с.; Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

²⁵ См.: Spector, M. Constructing Social Problems / M. Spector, J. I. Kitsuse. – New Brunswick, NJ: Transaction Publishers, 2006; Бест, Дж. Конструкционистский подход к исследованию социальных проблем / Дж. Бест // Контексты современности-II / Под ред. С.А. Ерофеева. – Казань, Изд. КГУ, 2001; Ясавеев, И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникации / И.Г. Ясавеев. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2004 и др.

²⁶ См.: Loseke, D.R. Thinking about social problems: an introduction to constructionist perspectives / D.R. Loseke. – Hawthorne, NY.: Aldine de Gruyter, 2003; Ibarra, P. Claims-making discourse and vernacular resources / P. Ibarra, J. Kitsuse // Challenges and choices: constructionist perspectives on social problems / G. Miller, J.A. Holstein (Eds.) – Hawthorne, N.Y.: Aldine de Gruyter, 2003. – P.17-50.

²⁷ См.: Бурганова, Л.А. Реконструирование структуры образа военного конфликта (по материалам СМИ) / Л.А. Бурганова, П.А.Корнилов // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С.116-134; Здравомыслова, Е.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе / Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Т.1. – № 3/4. – С. 299-323; Мейлахс, П. Дискурс прессы и пресс дискурса – конструирование проблемы наркотиков в петербургских СМИ / П. Мейлахс // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. VII. – №4. – С. 135-151; Журавлева, Ж.В. ВИЧ-инфекция и СПИД в масс-медиа: конструирование социальной проблемы: автореф... дис.

демонстрирующих особенности конструкционистского подхода для анализа русскоязычных текстов.

Однако не все теоретические разработки риторических приемов связаны с теорией конструирования социальных проблем – в научной литературе существует множество работ, рассматривающих риторические приемы в качестве «самостоятельной» единицы анализа (Р. Клауд, У.Д. Кейсбир, М. Макджи, Н. Маррион, Б. Стольц, М. Эдельман)²⁸.

Рассуждая о феноменологической методологии, нельзя не остановиться на теориях, непосредственно связанных с организациями. В частности, к ним можно отнести ранние исследования организационных мифологем (Дж. Мейер, Б.Рован, Ф.Селзник)²⁹, теории конструирования организационных парадоксов (Дж. Апкер, М. Бич, А. Инграм, К. Камерон, Р. Куин, Л. Лушер, М. Левис, Л. Путнам, С. Хуксхэм)³⁰, концепты полифонической организации и организационного многоголосия (М.М. Бахтин, О. Белова, Я. Кинг, К. Родес, М. Слива, Б. Царнявская-Джоржес)³¹.

канд.соц. наук: 22.00.06 / Ж.В. Журавлева. – Казань, 2002; Хадиева, Л.Г. Конструирование репродуктивных установок: феноменологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Л.Г. Хадиева. – Казань, 2007; Ясавеев, И.Г. Конструирование «не-проблем»: стратегии депроблематизации ситуаций / И.Г. Ясавеев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 1. – С. 91–102; Ясавеев, И.Г. СМИ и ситуация с ВИЧ/СПИДом в России / И.Г. Ясавеев // Социологические исследования. – 2006. – № 12. – С. 89–94 и др.

28

См.: McGee, M. C.. The «ideograph»: A link between rhetoric and ideology / M.C. McGee // The Quarterly

Journal of Speech. – 1980. – Vol. 66; Cloud, D. L. The rhetoric of «family values»: Scapegoating, utopia, and the privatization of social responsibility / D.L. Cloud // Western Journal of Communication. – 1998. – Vol. 62; Edelman, M. The symbolic uses of politics / M. Edelman. – Urbana: University of Illinois Press, 1964; Edelman, M. Politics as symbolic actions: Mass arousal and acquiescence / M. Edelman. – Chicago: Markham, 1971; Marion, N. Crime control in the 2000 presidential election: A symbolic issue / N. Marriion, R. Farmer // American Journal of Criminal Justice. – 2003. – Vol. 27; Marriion, N. Gubernatorial Crime Control Rhetoric: A Study in Symbolic Politics / N. Marriion, C.M. Smith, W.M. Oliver // Criminal Justice Policy Review. – 2009. – Vol.20. – P.457-474; Stolz, B. A. Interpreting the U.S. human trafficking debate through the lens of symbolic politics / B.A. Stolz // Law and Policy. – 2007. – Vol.29; Casebeer, W.D. Knowing Evil When You See It: Uses for the Rhetoric of Evil in International Relations / W.D. Casebeer // International Relations. – 2004. – Vol.18 и др.

29

См.: Selznick, P. Leadership in Administration: a sociological interpretation / P. Selznick. – Berkeley: University of California Press, 1984; Meyer, J.W. Institutional organizations: formal structure as myth and ceremony / J.W. Meyer, B. Rowan // American Journal of Sociology. – 1977. – Vol. 83 и др.

30

См.: Cameron, K.S. Organizational paradox and transformation / K.S. Cameron, R.E. Quinn / Paradox and Transformation: Toward a Theory of Change in Organization and Management / K.S. Cameron, R.E. Quinn (Eds.). – Cambridge, MA: Ballinger, 1988; Luscher, L.S. The social construction of organizational change paradoxes / L.S. Luscher, M. Lewis, A. Ingram // Journal of Organizational Change Management. – 2006. – Vol.19; Putnam, L.L. Contradictions and paradoxes in organizations / L.L. Putnam // Organization – Communication: Emerging Perspective / L.O. Thayer (Ed.). – Norwood, NJ.: Ablex Publishing., 1986; Apker, J. Sensemaking of change in the managed care era: a case of hospital based Nurses / J. Apker // Journal of Organizational Change Management. – 2003. – Vol.17. – №2; Beech, N. Cycles of identity formation in interorganizational collaborations / N. Beech, C. Huxham // International Studies of Management & Organization. – 2003. – Vol. 33. – № 3. – P.28-52 и др.

31

См.: Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1972; Rhodes, C. Writing organization: (re)presentation and control in narratives at work / C. Rhodes.

Разработанность темы исследования, помимо прочего, определяют и многочисленные зарубежные и отечественные исследования, анализирующие риторику, связанную с актуальными социально-политическими проблемами (Дж. Америк, М. Завьялова, Р. Крейг, И.М. Клямкин, М.М. Кириченко, В.В. Лапкин, К. Моррел, Х. Майер, О.А. Оберемко)³².

Несмотря на хорошую проработанность отдельных аспектов рассматриваемой темы, экспертная риторика в отношении «жестких» организаций России до настоящего времени не выступала в качестве предмета отдельного социологического исследования.

Объект исследования – органы государственной власти и управления Российской Федерации, действующие в сферах охраны правопорядка и государственной безопасности («жесткие» организации). **Предмет** исследования – экспертная риторика о проблемах функционирования «жестких» организаций в российском обществе.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационной работы является определение специфики, присущей «жестким» организациям России на основе феноменологического подхода. Достижение данной цели предполагается с помощью решения следующих **задач**:

- на основе анализа теоретических разработок в рамках социологии организации сформулировать понятие «жесткой» организации;
- определить методологические основы исследования экспертной риторики;
- охарактеризовать социальный контекст экспертной риторики, посвященной «жестким» организациям, на основе изучения нормативно-правовых механизмов, регламентирующих деятельность «жестких» организаций и анализа результатов репрезентативных социологических исследований, посвященных оценкам их деятельности российским социумом;
- на основе эмпирического исследования определить репертуар экспертной риторики, связанный со спецификой и проблемами функционирования

– Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2001; Czarniawska-Joerges, B. A narrative approach to organization studies / B. Czarniawska-Joerges. – Thousand Oaks, CA.: Sage, 2001; Czarniawska-Joerges, B. Narrating the organization: dramas of institutional identity / B. Czarniawska-Joerges. – Chicago: University of Chicago Press, 1999; Belova, O. Introduction: Polyphony and Organization Studies: Mikhail Bakhtin and Beyond / O. Belova, I. King, M. Sliwa // Organization Studies. – 2008. – Vol.29 и др.

32

См.: Amernic, J.H. 9/11 in the Service of Corporate Rhetoric: Southwest Airlines' 2001 Letter to Shareholders / J.H. Amernic, R. J. Craig // Journal of Communication Inquiry. – 2004. – Vol.28. – P.325-341; Morrel, K. Aphorisms and Leaders' Rhetoric: A New Analytical Approach / K. Morrell // Leadership. – 2006. – Vol.2. – P.367-382; Meyer, H.-D. Taste Formation in Pluralistic Societies: The Role of Rhetorics and Institutions / H.-D. Meyer // International Sociology. – 2000. – Vol.15. – P.33-56; Завьялова, М. Доктор прописал кровопускание: риторика насилия и афроамериканская литература 1960-х годов / М. Завьялова // Новое литературное обозрение. – 2003. – №6. – С.144-160; Лапкин, В.В. Социально-политическая риторика в постсоветском обществе / В.В.Лапкин, И.М.Клямкин // Политические исследования. – 1995. – № 4. – С.98-122; Кириченко, М.М. Риторика «центра» и «периферии» в 1990-2000 гг. в политико-правовом дискурсе миграции (на материале Краснодарского края) / М.М. Кириченко, О.А. Оберемко // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – №2. – С.169-184 и др.

«жестких» организаций в российском обществе;

- предложить рекомендации по решению проблем «жестких» организаций России.

Для определения **теоретико-методологических основ исследования** был привлечен широкий круг разработок в области теории управления и организации. Автор опирался на:

- подходы к определению организации (Г. Саймон, Ч.Бернард, А. Стинхкомб, А. Этциони, А. Пригожин);

- концепции тотальной (И. Гоффман, А. Этциони, М. Фуко, Л. Пэнто) и квази-тотальной (Л. Зурчер, У. Эрмалайн, Э. Уэбб, Х. Шмид, К. Хассенстаб, Р. Руммель) организации;

- труды основоположников феноменологического направления в социологии (А. Шюц, Т. Бергер, П. Лукман);

- теории (контр-)риторических приемов (М. Макджи, Р. Клауд, М. Эдельман, Н. Маррион, Б. Стольц, У.Д. Кейсбир, Дж. Бест, П. Ибарра, Дж. Китсьюз);

- теоретические подходы к экспертизе и роли экспертизы в современном обществе (А.А. Кожанов, В.В. Полякова, Н. Штейр, С. Хилгартнер, Д. Лосик, Дж. Гасфилд, Дж. Бест);

- теории социального конструирования организационных парадоксов (К. Камерон, Р. Куин, Л. Лушер, М. Левис, А. Инграм, Л. Путнам);

- подходы к организациям как социальным конструктам (Ф. Селзник, Дж. Мейер, Б. Рован, М.М. Бахтин, К. Родес, Б. Царнявская-Джоржес, О. Белова, Я. Кинг и М. Слива).

Источниковая и эмпирическая база исследования:

- Нормативно-правовые акты, связанные с регламентацией деятельности правоохранительных органов, ФСБ, ФСО, ФТС и ФСКН.

- Результаты вторичного анализа репрезентативных социологических исследований отношения жителей России к министерствам и ведомствам «силового» блока (МВД, ФСБ, таможня, прокуратура), проведенных Аналитическим центром Юрия Левады, Фондом «Общественное мнение» и Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) за период с 2000 по 2011 гг.

- Данные авторского контент-аналитического исследования имиджа «жестких» организаций в федеральной и региональной прессе. При проведении исследования были изучены все публикации (сплошная выборка) в газетах «Российская газета», «Независимая газета», «Республика Татарстан», «Вечерняя Казань» за период 2005-2010 гг. с ключевыми словами «милиция», «прокуратура», «ФСБ», «таможня», и среди них выделены публикации с положительными / отрицательными характеристиками указанных «жестких» организаций (n=551) с последующим подсчетом их соотношения для каждой

газеты.

– Результаты авторского качественного исследования экспертной риторики, касающейся проблематики «жестких» организаций России, опубликованной в печатных и электронных СМИ за период с 2000 г. по 2011 г. В ходе исследования была проанализирована риторика различных групп экспертов, среди которых были бывшие сотрудники правоохранительных органов и органов госбезопасности, журналисты, политики, общественные деятели и ученые (n = 50).

Хронологические рамки исследования охватывают период с 2000 по 2011 гг. Это обусловлено тем, что, начиная с 2000 г., в Российской Федерации происходит усиление влияния «жестких» организаций и, соответственно, активизируется экспертная риторика, посвященная усилению позиций силовых структур и влияния «милитократии» (термин О.В. Крыштановской).

Научная новизна работы:

Диссертация представляет собой научную работу, посвященную феноменологическому анализу экспертной риторики по проблемам силовых структур России. Новизна диссертационного исследования заключается в следующем:

- сформулировано авторское понятие «жесткая» организация;
- систематизированы основные теоретические подходы к исследованию тотальных и квази-тотальных организаций;
- впервые предметом исследования стала риторика экспертного сообщества по проблемам, характерным для силовых структур России;
- обоснована возможность рассмотрения нормативно-правовых актов и данных репрезентативных социологических исследований в качестве контекста / «фона» экспертной риторики, посвященной «жестким» организациям;
- на основе эмпирического исследования экспертной риторики выявлена специфика функционирования и основные проблемы современных силовых структур в российском социуме;
- обозначены концептуальные направления реформирования деятельности «жестких» организаций.

Теоретическая значимость исследования определяется, прежде всего, важностью проблемного поля «жестких» организаций для современной социальной науки. Выдвинутые в работе положения представляют собой определенное приращение знания в предметных рамках социологии организаций и социологии управления. В диссертационной работе вводится авторское понятие «жесткой» организации, которое может служить концептуальной основой дальнейшей теоретической разработки проблем, связанных с «силовыми» структурами. Отдельные выводы диссертационного исследования могут послужить исходным пунктом специальных научных исследований.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что основные выводы диссертации могут быть использованы для формирования концептуальных основ государственной политики по оптимизации силовых структур России. Положения диссертации могут быть востребованы в учебно-образовательном процессе для разработки и дополнения учебных курсов «Социология», «Социология управления» и «Социология организации». Выводы диссертации могут представлять интерес для исследователей, работающих в смежных областях социального знания – политологов, юристов, теоретиков государственного управления.

Положения, выносимые на защиту:

1. Для обозначения органов государственной власти и управления, выполняющих специальные «силовые» функции, целесообразно введение в научный оборот термина «жесткая» организация. «Жесткая» организация представляет собой промежуточный тип между классической бюрократической организацией и тотальной (принудительной) организацией, и определяется как гражданская бюрократическая организация с элементами тотального учреждения, функционирующая в сфере государственного управления, связанная с легальным применением силы, наличием специальных полномочий, и характеризующаяся наличием специфических ограничений для сотрудников.

2. Контекст или «фон» экспертной риторики «жестких» организаций, в силу специфики последних (информационная «закрытость», требования секретности), определяется двумя составляющими: нормативно-правовыми актами, регламентирующими деятельность подобных организаций, с одной стороны, и общественным мнением населения о деятельности «жестких» организаций России, с другой. Кроме того, контекст экспертной риторики, посвященной «жестким» организациям, характеризуется количеством упоминаний подобных организаций в печатных СМИ с положительными / отрицательными оценками.

3. Основной особенностью нормативно-правового регулирования деятельности «жестких» организаций является выделение специфики «жестких» организаций по сравнению с «гражданскими» министерствами и ведомствами (ношение оружия, абсолютизация подчинения приказам) с одновременной «регламентационной свободой» их функционирования, которая позволяет им быть менее ограниченными в своем взаимодействии с обществом. Общественное мнение о «жестких» организациях проблематизирует дисфункции последних и связывает их деятельность с широкими коррупционными возможностями.

4. Экспертная риторика характеризует ситуацию с «жесткими» организациями как «системную патологию». Репертуар экспертной риторики по «жестким» организациям состоит из выделения проблем незаконного вмешательства «жестких» организаций в политику и экономику, дисфункциональной межведомственной конкуренции, отсутствия подотчетности

обществу, неадекватности кадрового и финансового обеспечения. Экспертная риторика за период с 2000 по 2011 гг. практически не изменилась, за исключением того, что в последние годы началась интенсивная проблематизация деятельности правоохранительных органов.

Апробация исследования. Основные положения и выводы диссертационного исследования получили отражение в научных публикациях и выступлениях автора на всероссийских междисциплинарных научных конференциях с международным участием: Первые Казанские социологические чтения «Современное российское общество: состояние и перспективы» (г. Казань, 2005), Девятые Вавиловские чтения «Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики» (г. Йошкар-Ола, 2005), а также итоговых научных конференциях «Дни науки» КГТУ (Казань, 2003, 2004, 2005).

Содержание диссертационного исследования нашло отражение в девяти научных публикациях автора общим объемом 4,1 п.л., в т.ч. трех научных статьях в журналах, рецензируемых ВАК РФ.

Общий объем диссертации составляет 160 страниц, список использованных источников и литературы включает 252 наименования (в т.ч. на английском языке – 104 наименования).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** обосновывается актуальность проблемы исследования, формулируются цель и задачи, объект и предмет исследования, излагаются положения, выносимые на защиту, определяются научная и практическая значимость и апробация результатов исследования, раскрываются методология и научная новизна работы.

В первой главе **«ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКСПЕРТНОЙ РИТОРИКИ «ЖЕСТКИХ» (СИЛОВЫХ) ОРГАНИЗАЦИЙ»** формулируются методология исследования и авторское понятие «жесткой» организации.

В первом параграфе первой главы **«Силовые бюрократические структуры как особый «жесткий» тип организации»** посредством теоретического анализа операционализируется понятие «жесткая» организация» и рассматриваются основные концепции, позволяющие понять специфику подобных организаций.

В теоретико-методологической части работы была, в первую очередь, поставлена задача сформулировать понятие «жесткой» организации для обозначения тех организационных структур, которые не относятся к тотальным институтам, с одной стороны, и не совсем соответствуют деятельности «гражданских» министерств и ведомств, с другой. Рассмотрение типологий подходов к определению организации (М.П. Коза, Ж.К. Фони, А.И. Пригожин,

С.А. Барков) позволило сделать вывод, что, с точки зрения предмета исследования, представляется оптимальным использование подходов к организации как к целевой и, одновременно с этим, социальной группе.

Соответственно, логика исследования предопределила дальнейшее обращение к концепциям бюрократической организации (М. Вебер, Р. Мертон, А. Гоулднер), вопросам ее эффективности и бюрократическим дисфункциям (М. Крозье, С.Н. Паркинсон). Наряду с этим были проанализированы неклассические подходы к организации (Д. МакГрегор, Ф. Герцберг, У. Оучи), теории неформальной организации (Г. Саймон, Ф. Селзник), а также подходы к организации как целевой группе (Ч.Бернард, Г. Хикс, А. Стинхкомб, А. Этциони, А. Пригожин, С. Фролов, Е. Бабосов). Для более полного представления о типах организаций согласно современной теории организации, рассмотрены соответствующие классификации и типологии (А. Этциони, Т. Бернс, К. Столкер, Дж. А. Литтерер, А.Н. Дятлов, М.В. Плотников, И.Я. Мутовин, Э.А. Соснин, С.В. Сухов, П.В. Романов, Н. Упхофф).

Далее внимание было уделено теоретической проработке проблематики тотальных организаций и институтов. Анализ трудов основоположников теории тотальных институтов (Э. Гоффман, Л. Пэнто, М. Фуко, А. Этциони) позволил выделить основные характеристики тотальных институтов / организаций (вынужденность пребывания, детальная регламентация поведения индивидов, процедуры «нормализующих наказаний», наличие «власти принуждения»).

Наряду с этим внимание было уделено и т.н. «квази-тотальным организациям», для которых характерны высокая степень внутриорганизационной формализации и координации между сотрудниками, а также гибридные формы взаимоотношений, сочетающих как договорные основы, так и определенную степень принуждения / вынуждения. К подобным организациям различные авторы относят армейские учебные подразделения (Л. Зурчер), приюты для бездомных детей (У. Эрмалайн), учреждения социальной защиты (Э. Уэбб, Х. Шмид), поликлиники и медицинские центры (К. Хассенстаб), а также крупные предприятия в моногородах (Р. Руммель).

Рассмотренные теории «гражданских» и «тотальных» организаций позволили ввести авторское определение «жесткой» организации, под которой понимается тип организации, являющийся промежуточным между обычной бюрократической организацией (М. Вебер, Р. Мертон, А. Гоулднер) и тотальной организацией (И. Гоффман, Л. Пэнто, М. Фуко).

Понятие «жесткая» организация не является общеупотребительным в академическом дискурсе, вместо него часто используется термин «силовики», который не является академическим в строгом смысле слова, хотя используется даже в англоязычной прессе. Термин «жесткая» организация представляется более точным, поскольку, во-первых, термины «силовики» и «силовые министерства» являются неформальными, а, во вторых, не могут быть

органично «вписаны» в дихотомию «добровольные – принудительные» организации.

«Жесткие» организации – это организации с военной дисциплиной, и к ним можно отнести не только Вооруженные Силы, но и практически все другие силовые и военизированные структуры: органы таможи, прокуратуры, ФСБ, ФСО, МВД, ФСКН.

С одной стороны, «жесткие» организации существенно отличаются от ординарных бюрократических организаций (при ближайшем рассмотрении оказывающихся гражданскими бюрократическими организациями). Для «жестких» организаций свойственен больший акцент, чем это принято в бюрократических организациях, на правилах, регулирующих режим работы и порядок подчиненности. В гражданских бюрократических организациях сотрудники, как правило, имеют возможность обсудить тот или иной приказ или распоряжение, спускаемое сверху, в случае невозможности этого – открыто саботировать его, да и сами приказы и распоряжения не носят столь абсолютного характера. В «жесткой» организации практически любое распоряжение носит характер приказа. Персонал этих организаций в значительном большинстве своем имеет воинские звания, носит военную форму, что является важным элементом организационной культуры «жестких» организаций.

Но «жесткие» организации отличаются и от тотальных. Персонал этих организаций, за исключением экстремальных случаев, не является оторванным от внешнего мира (за исключением солдат и сержантов вооруженных сил). Несмотря на то, что рабочий день офицеров, прапорщиков, вольнонаемных сотрудников «жестких» организаций де-факто является ненормированным, они имеют личный досуг, личную жизнь, приходят и уходят на работу, а не живут на ней, как в тотальной организации. Вне служебных рамок они могут не носить униформу. Сотрудники «жестких» организаций не контролируются руководством столь тотально и всеобъемлюще, как это бывает в организациях тотальных. В «жестких» организациях прямое насилие используется в меньшей степени, чем в тотальных. В то же время руководство «жесткой» организации в большей степени, чем руководство «обычной» гражданской бюрократической организации, может распоряжаться личным временем сотрудника, устраивать различные форс-мажорные ситуации и т.д. «Жесткие» организации сходны с тотальными и за счет того, что в них осуществляется больший контроль за временем / распорядком дня сотрудников.

Значительная часть персонала «жестких» организаций имеет личный опыт пребывания в тотальной организации – во время обучения в военном, милицмейском училище и т.п. Нередки случаи, когда рядовых профессионалов «жестких» организаций набирают среди лиц, имеющих опыт армейской службы. Нетрудно понять, для чего это делается: персонал «жесткой» организации должен подчиняться приказам, смысл которых может быть, мягко говоря,

неочевиден, а исполнение сопряжено с моральными или физическими затруднениями, и опыт «конверсии» или «умерщвления» (термин И. Гоффмана) в тотальной организации значительно облегчает управление этим персоналом в «жесткой» организации.

Таким образом, характерными чертами «жестких» организаций являются:

1) более строгая / детальная регламентация деятельности / работы сотрудников по сравнению с гражданскими министерствами и ведомствами;

2) больший акцент на исполнительскую дисциплину, граничащий с беспрекословным подчинением приказам начальства;

3) наличие «милитаристских» элементов (униформа, система воинских званий, участие в учениях и пр.);

4) меньшая свобода распоряжения личным временем, зачастую работа во внеурочное время.

В результате проведенного анализа «жесткую» организацию мы определили как гражданскую бюрократическую организацию с элементами тотального учреждения, функционирующую в сфере государственного управления, связанную с легальным применением насилия и наличием специальных полномочий и характеризующуюся наличием специфических ограничений для сотрудников.

Во втором параграфе первой главы **«Феноменологические подходы к исследованию экспертной риторики»** анализируется методология исследования конструирования социальной реальности экспертным сообществом.

Вкратце охарактеризовав феноменологическое направление в философии (Э. Гуссерль), мы детально рассмотрели теоретические положения социологической феноменологии, ориентируясь на работы А. Шюца и его учеников П. Бергера и Т. Лукмана, основным тезисом которых является тезис о «смысловой» составляющей социальной реальности (ее объективно-субъективной природе) и ее конструировании (созидании) индивидами.

Осуществив теоретический экскурс в исследования риторики, мы сделали вывод, что она рассматривается с трех позиций:

1) риторика как «искусство убеждения»;

2) риторика как «искусство говорить хорошо»;

3) риторика как «искусство украшения».

Далее мы рассмотрели основные риторические приемы, используемые для конструирования социальной реальности. Концепт идеографа (М. Макджи, Р. Клауд) – обыденной высокоуровневой абстракции, встречающейся в политическом дискурсе – представляет собой связующее звено между риторикой и идеологией. Идеографы артикулируют различные мотивы, которые лежат в их основе и таким образом обосновывают необходимость того или иного действия. Идеографами являются такие понятия, как «свобода», «равенство», «законность», «1917-й год», «11 сентября» и т.д., которые формируют

идеологию общества, вызывая практически универсальную и быструю идентификацию в культурном поле и являясь, таким образом, мощным средством убеждения.

Теории «символической риторики» (М. Эдельман, Н. Маррион, Б. Стольц) постулируют распространенность обращения политиков и общественных деятелей к инструментам экспрессивной политики, которая, в отличие от инструментальной политики, не предполагает каких-либо действий, а служит лишь «средством утешения» и снятия общественного напряжения, сигнализируя («обещая») обществу, что проблемная ситуация, вызывающая озабоченность общественности, будет решена. Особенностью «символической риторики» является полное отсутствие каких-либо детальных схем для решения проблемных ситуаций и большая апелляция к чувствам, нежели разуму.

Еще одним широко используемым элементом риторики является риторика Зла (У.Д. Кейсбир), которая выполняет следующие функции:

1. побуждение групп людей к действиями (функция мотивации);
2. реакция на риторику Добра и Зла со стороны «Других» (функция противодействия);
3. определение «Других» как радикально-беспорядочных индивидов для того, чтобы оправдать «Наше» неуважительное отношение к ним (функция разделения);
4. осуществление нормативной оценки моральных аспектов ситуации (функция оценки).

Несмотря на то, что риторика Зла чаще используется в международных отношениях (например, знаменитая «ось Зла» в президентской риторике Дж. Буша), может она быть использована и в отношении «жестких» организаций. Примерами подобной риторики являются, в частности, проведение параллелей между ФСБ и НКВД / КГБ, использование прилагательных «кровавый» и т.д.

Концептуализировав понятие «эксперт» как человека, реализующего свою социальную функцию экспертного оценивания, экспертного суждения и свидетельства на основании обладания универсалистским, теоретически нагруженным знанием, легитимированным в определенном сообществе (А.А. Кожанов), мы охарактеризовали основные особенности экспертизы в современном социуме (В.В. Полякова, Н. Штейн). Далее мы выделили «проблемные точки», связанные с экспертным знанием (С. Хилгартнер, Д. Лосик, Дж. Гасфилд, Дж. Бест), в частности, потенциальную опасность ангажированности («конфликт интересов») и некомпетентности экспертов. Подводя итоги, мы сделали вывод, что экспертная риторика не может быть однородной и состоит из конкурирующих между собой дискурсов. Наличие подобных «подводных камней» в практике изучения экспертной риторики означает необходимость обращаться к высказываниям многих экспертов, представляющих различные социальные и политические страты.

В дополнение к общеметодологическим подходам в рамках социологической феноменологии мы рассмотрели «специальные» теории, начав с теории конструирования социальных проблем (М. Спектор, Дж. Китсьюз), согласно которой социальные проблемы представляют собой не «объективные» ситуации, а различные условия, «наполняемые проблемным смыслом» и которые, в трактовке Дж. Беста, необходимо соотносить с социальными условиями. При анализе положений теории конструирования социальных проблем особый акцент был сделан на ее взаимосвязи с риторикой (Дж. Бест) и контр-риторикой (П. Ибарра, Дж. Китсьюз).

В качестве специфической теории, связанной с конструированием социальных проблем в организациях, рассмотрена теория социального конструирования организационных парадоксов (К. Камерон, Р. Куин, Л. Лушер, М. Левис, А. Инграм, Л. Путнам), которая обладает особой эвристической ценностью при анализе организаций, проходящих через организационные реформы. Организационный парадокс как социальный конструкт возникает тогда, когда элементы мыслей, действий и эмоций, которые считаются логичными при рассмотрении отдельно от контекста, располагаются внутри организационного контекста и начинают выглядеть взаимоисключающими. Типичными примерами организационных парадоксов являются:

1. Противоречивые сообщения: несоответствие вербальной и невербальной информации;
2. Парадоксальные циклы: попытка соединения двух противоречивых альтернатив в рамках одного действия / приказа;
3. Систематические противоречия: ситуация, при которой противоречивые сообщения и парадоксальные циклы проникают в организационные системы целеполагания, вознаграждения, разделения труда, снабжения ресурсами и т.д.;
4. Парадоксы производительности: ситуации, в которых фактические распоряжения руководства вступают в противоречие с организационной миссией, например, от лечебных учреждений требуется сокращение издержек (означающее проблемы в качестве медицинских услуг) , или персоналу организации ставится требование о большей самостоятельности и одновременно – большей ответственности перед менеджментом.;
5. Парадоксы принадлежности: невозможность самоидентификации организационных акторов с определенными группами внутри меняющейся организации. В результате организационных изменений меняются социальные границы внутри организации и возникает опасность усиления межгрупповых конфликтов, негативно сказывающихся на функционировании организаций, в т.ч. за счет межгрупповой риторики исключения / включения.
6. Парадоксы организации (процесса «организовывания») являются следствием того, что сам по себе данный процесс предполагает дискурсивное конструирование различий в организациях (например, выстраивание схемы подчинения, делегирования полномочий и пр.) и необходимость сочленения

социальных пространств, у каждого из которых имеется свой «вектор движения».

Еще одной «специальной» теорией в контексте исследования является теория социального конструирования организации, в которой рассматриваются организации в качестве социальных конструкторов и анализируются нарративные и мифологические составляющие организационной деятельности (Ф. Селзник, Дж. Мейер, Б. Рован, Б. Царнявская-Джоржес, О. Белова, Я. Кинг и М. Слива). Современная теория социального конструирования организаций во многом основывается на концепции многоголосия М.М. Бахтина. Концепт многоголосия применительно к организационным исследованиям означает, что организация представляет собой совокупность языков, включенных в нескончаемые диалоги по поводу властных отношений – гетероглоссическую организацию (К. Родес). Сам по себе концепт гетероглоссической организации отвергает какую-либо централизацию и рассмотрение организации лишь с определенной точки зрения; наоборот, организация рассматривается через призму пересечения различных рассказов о ней, ее описаний, в т.ч. теоретических. Описание гетероглоссической организации одновременно и информирует об организации, и воспроизводит ее саму, поскольку текстуальная репрезентация организации осуществляется в символической форме, в частности в виде различных дискурсов / нарративов (в т.ч. внеорганизационных), которые и обуславливают полифоничность организации. Анализ теорий социального конструирования организаций позволил сделать вывод, что конструирование знаний о «жестких» организациях со стороны внеорганизационных экспертов имеет место и эмпирически подтверждается. Более того, подбор различных экспертов, обеспечение их «разноязычья» позволяет не только вскрыть проблемы, видные «снаружи», из внеорганизационного контекста, но и рассмотреть то, каким образом конкурирующие экспертные дискурсы интерпретируют одни и те же события, связанные с «жесткими» организациями.

Во второй главе **«ЖЕСТКИЕ» ОРГАНИЗАЦИИ РОССИИ В ЭКСПЕРТНОЙ РИТОРИКЕ** приводятся результаты авторских эмпирических исследований, посвященных экспертной риторике по «жестким» организациям.

В первом параграфе второй главы **«Социально-правовой контекст конструирования «жестких» организаций»** рассматриваются нормативно-правовые акты по деятельности министерств и ведомств силового блока, данные репрезентативных социологических исследований, посвященных отношению российского общества к подобным организациям, а также результаты авторского контент-аналитического исследования.

В первую очередь, рассмотрен контекст («фон») экспертной риторики, посвященной «жестким» организациям. К нему мы отнесли, во-первых, нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность «жестких» организаций, и, во-вторых, общественное мнение населения России о деятельности подобных организаций.

Феноменологический анализ в духе контекстуального конструкционизма (Дж. Бест) предполагает возможность делать допущения по поводу различных социальных условий, которые являются фоном для конструирования социальных проблем. В случае с формальными структурами, которыми являются «жесткие» организации, подобными социальными условиями, или контекстом, является, прежде всего, нормативно-правовое поле, регламентирующее их деятельность. В конструкционистской интерпретации нормативно-правовое регулирование выступает не только как контекст, но и как уровень конструирования «жестких» организаций, который обобщает конструкционистские практики различных общественно-политических сил.

Еще одним измерением «объективных» условий являются статистические данные о «жестких» организациях и показатели их работы. Однако в случае с последними возникает определенная трудность: «жесткие» организации, как правило, не раскрывают информацию о своей деятельности и поэтому оперировать подобными данными становится сложно. Преодолению этой исследовательской проблемы может способствовать, на наш взгляд, обращение к сформулированному в рамках исследований криминальных группировок разделению на «эмические» и «этические» методы. Опыт соответствующих исследований показывает, что наиболее точный эмпирический материал собирается через «эмические» методы, которые предполагают непосредственный контакт исследователя с объектом изучения (наблюдение, глубинные интервью). «Этические» же методы представляют собой инструментарий более «дистанцированного» исследования, когда в ход идут косвенные методы, например, вычленение информации из официальных докладов и статистических сборников и т.д. Соответственно, пусть не совсем точным, но доступным методом выявления социального контекста экспертного конструирования проблем «жестких» организаций является использование такого «этического» метода, как обращение к результатам репрезентативных социологических исследований, связанных с оценкой деятельности силовых ведомств России.

Особенностью общественного мнения является то, что экспертная риторика постоянно соотносится с ним, или опровергая его (контр-риторика «популярных заблуждений»), или усиливая его за счет введения в публичный дискурс «экспертной составляющей», придающей «вес» мнению населения по каким-либо вопросам. Это является дополнительным фактором того, что общественное мнение может быть рассмотрено как контекст конструирования экспертной риторики по «жестким» организациям.

И, наконец, в пользу опросов общественного мнения в качестве «фона» экспертной риторики «жестких» организаций говорит и тот факт, что общественное мнение является, по ряду причин, более «точным» индикатором положения дел в последних, нежели официальная статистика. К этим причинам

относятся, прежде всего, возможности фальсификации показателей работы «жестких» организаций.

Анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность «жестких» организаций России, подтвердил, что на законодательном уровне «жесткая» организация рассматривается как промежуточная организационная форма между «тотальной» и «бюрократической» организациями. Нормативно-правовой анализ показал, что наиболее «открытыми» из «жестких» организаций являются ведомства «полицейского блока», а именно, милиция (с 2011 г. – полиция) и наркополиция, а также Федеральная таможенная служба, поскольку в законодательных актах, затрагивающих деятельность данных «жестких» организаций, более четко и внятно прописаны принципы функционирования и управления в них. Это позволяет утверждать, что подобные силовые структуры более близки «по духу» обычным министерствам и ведомствам, решающим различные задачи в обществе.

Результаты вторичного анализа данных социологических исследований «жестких» организаций, проведенных в последнее десятилетие, позволяют сделать ряд выводов.

В первую очередь, бросается в глаза разнородность в структуре российских «жестких» организаций: население негативно относится к милиции (полиции) – наиболее представленной во всех общественных сферах «жесткой» организации, более положительно – к Прокуратуре, и благожелательно – к органам ФСБ, что связано, очевидно, со спецификой деятельности последних.

Данные опросов позволяют сделать вывод о том, что, по мнению населения, для функционирования российских «жестких» организаций характерны проблемы, поскольку данные о низкой эффективности управления милицией можно в той или иной степени экстраполировать и на иные «жесткие» организации, которые структурно практически идентичны. С некоторой оговоркой можно судить и о контекстуальной идентичности «жестких» организаций, поскольку в подобных организациях работают люди специфического склада характера, имеющие в большинстве своем опыт службы в вооруженных силах.

Деятельность «жестких» организаций, по мнению жителей нашей страны, нередко связана с коррупционными возможностями. Более того, будучи частью системы государственной службы, сотрудники «жестких» организаций в России получают относительно невысокое жалование. Имея полномочия на применение легального насилия, «жесткие» организации или их отдельные сотрудники используют свой потенциал для канализации силовых ресурсов в финансовые.

Данные авторского контент-аналитического исследования в целом подтверждают указанные выводы. В выборку контент-аналитического исследования вошли газеты «Российская газета» (официальное издание федерального уровня), «Независимая газета» (федеральное издание оппозиционной направленности), «Республика Татарстан» (официальная газета

регионального уровня) и «Вечерняя Казань» (региональная газета оппозиционной направленности). В ходе исследования были проанализированы все выпуски указанных газет за период январь 2005 – август 2010 гг. («Российская газета» – 1259 номеров, «Независимая газета» – 1443 номера, «Республика Татарстан» – 1113 номеров, «Вечерняя Казань» – 794 номеров).

Единицей анализа в контент-аналитическом исследовании выступили текстовые сообщения (статьи), содержащие ключевые слова. Ключевыми фразами для отбора публикаций выступили «милиция», «прокуратура», «ФСБ» и «таможня». Были отобраны только те публикации, которые позволяли оценить работу соответствующих «жестких» организаций как положительную или отрицательную; публикации, в которых ведомства упоминались нейтрально (например, публикации нормативно-правовых актов о ФСБ, милиции и пр.) в анализ не включались. Всего в рамках исследования была отобрана и проанализирована 551 публикация (в т.ч. 249 – в «Российской газете», 150 – в «Независимой газете», 82 – в «Республике Татарстан» и 70 – в «Вечерней Казани»).

Темы, связанные с наиболее «народным» ведомством – милицией (полицией), как показывает исследование, являются довольно популярными, хотя материалов с оценочными суждениями в отношении МВД явно больше в федеральных изданиях. Соотношение положительных и отрицательных (критических) публикаций о МВД примерно равно в «Российской газете» (55 к 44 соответственно), причем если в 2009 г., на фоне «дела майора Евсюкова» в газете превалировал негативный тон, то в публикациях 2010 г. гораздо больше позитивной информации и ориентации читателя на успех президентской реформы МВД. В оппозиционных «Независимой газете» и «Вечерней Казани» число критических публикаций о деятельности милиции гораздо больше числа публикаций с положительными оценками (18 к 49 в «Независимой газете» и 8 к 19 в «Вечерней Казани»). Отрицательные публикации в «Независимой газете» чаще обращают внимание на системные нарушения в милиции, а «Вечерняя Казань» больше акцентирует внимание на отдельных случаях нарушений прав граждан со стороны сотрудников МВД. «Республика Татарстан» обычно пишет о милиции в нейтральных тонах, хотя при этом доля материалов с положительной оценкой ведомства превалирует над материалами с обратными оценками (12 к 5).

Противоположной выглядит ситуация с освещением в прессе работы органов прокуратуры – число положительных публикаций о данном ведомстве существенно выше числа отрицательных (критических) публикаций («Российская газета» – 69 к 1; «Независимая газета» – 22 к 13; «Республика Татарстан» – 24 к 1; «Вечерняя Казань» – 21 к 7). Положительные материалы о деятельности органов прокуратуры посвящены ее работе по восстановлению нарушенных прав граждан (задержки заработной платы, незаконные увольнения, обжалование «мягких» приговоров), тогда как критические материалы

обращают внимание на предвзятость органов прокуратуры, ее деятельность «в угоду властям», коррупцию среди прокурорских работников.

Газетный имидж ФСБ, как показывают результаты контент-анализа, нельзя назвать однозначным. В официальных изданиях как на федеральном, так и региональном уровнях, преобладают статьи с положительными оценками деятельности данного ведомства («Российская газета» – 33 к 10; «Республика Татарстан» – 20 к 2). К заслугам органов госбезопасности указанные газеты относят, прежде всего, борьбу с сепаратизмом и терроризмом на Северном Кавказе, а также на территории Татарстана (например, ликвидация террористической группировки «Исламский джамаат»). Отрицательные (критические) публикации, которых больше всего в «Независимой газете» (12 положительных публикаций, 21 – отрицательная), выражают беспокойство по поводу чрезмерного влияния ФСБ на различные общественные институты и борьбой ведомства с инакомыслием в стране. В «Вечерней Казани» публикаций про ФСБ относительно мало, и число положительных и отрицательных статей примерно равно (4 к 6 соответственно). Примечательно, что отрицательный имидж ФСБ в «Российской газете» в основном складывается из статей об «отдельных» и «бывших» сотрудниках данного ведомства.

Что касается органов таможни, то вполне ожидаемо, что доля отрицательных (критических) материалов о деятельности данной «жесткой» организации больше в федеральных изданиях – лейтмотивом подобных статей являются коррупция и волокита при таможенном оформлении. Довольно много положительных статей о таможне в газете «Республика Татарстан»: издание довольно часто сообщает читателям об успехах таможенников в пресечении попыток ввоза / вывоза контрабанды.

Проведенное исследование в целом подтверждает вывод о том, что существует / конструируется более негативное отношение к милиции / полиции, тогда как проблемы остальных «жестких» организаций «выпячиваются» не так сильно. При этом следует иметь в виду и то, что проблемы милиции/полиции чаще подаются как «системные», тогда как в большинстве своем проблемы остальных силовых ведомств сводятся к «отдельным случаям». В целом положительное отношение изученных газет к ФСБ несколько размывается за счет активизации весной-летом 2010 г. общественной дискуссии по поводу поправок в Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности».

Во втором параграфе второй главы ***«Особенности и проблемы «жестких» организаций через призму экспертной риторики»*** осуществляется анализ экспертной риторики, посвященный особенностям и проблемам «жестких» организаций России, приводятся рекомендации по решению существующих проблем.

Экспертная риторика, характеризующая особенности функционирования и проблемы «жестких» организаций, признает наличие системной патологии в последних (смещение их функций и замещение их

другими, изначально не предусмотренными). Эксперты отмечают, что «жесткие» организации являются практически неподотчетными обществу и подобная бесконтрольность и вседозволенность лишь усугубляет оргуправленческие процессы в «жестких» организациях.

Эксперты полагают, что низкий уровень общественного контроля и неэффективное управление «жесткими» организациями ведут к тому, что «жесткие» организации превращаются в симулякров, которые вместо решения актуальных проблем безопасности лишь имитируют подобную деятельность. Распространенными, согласно экспертному дискурсу, являются борьба за власть и контроль над ресурсами различных группировок внутри «жестких» организаций и неприемлемые формы конкуренции между различными силовыми структурами.

Эксперты констатируют, что, кроме специфических проблем, для «жестких» организаций также характерны и проблемы более общего плана, которые свойственны органам государственной власти и управления в целом, в первую очередь – отсутствие адекватной обратной связи между управляющей и управляемыми подсистемами.

Основными внутриорганизационными проблемами «жестких» организаций, согласно экспертной риторике, являются кадровые проблемы, отсутствие четкого организационного порядка, низкий уровень финансирования и социальной защищенности сотрудников, бюрократизм и волокита, низкая профессиональная пригодность сотрудников, коррупция и преступность, ориентация на «показатели» и использование устаревших управленческих технологий.

Соотнесение нормативных ожиданий от деятельности «жестких» организаций и экспертного дискурса, посвященного последним, показывает значительное расхождение нормативных принципов деятельности «жестких» организаций с реальными принципами, которыми руководствуются их сотрудники. Законодательство декларирует принципы законности, уважения прав и свобод граждан, подотчетности и поднадзорности, хотя в действительности происходит систематическое нарушение законов («крышевание», «товарное рейдерство», коррупция, нарушение прав и свобод граждан при полной безнаказанности сотрудников «жестких» организаций). Нормативные требования к сотрудникам «жестких» организаций, особенно в части морально-нравственных качеств на практике не выполняются. Распространенным является участие сотрудников силовых организаций в управлении коммерческими организациями, что также противоречит законодательству.

В качестве возможных направлений снижения остроты проблем «жестких» организаций предлагается комплекс мер, включающий изменения в правовом регулировании их деятельности, а также оптимизацию властно-

структурного, структурно-функционального и кадрового аспектов их функционирования.

Правовой аспект оптимизации «жестких» организаций предусматривает введение в законодательство:

- положения об общественном контроле за деятельностью «жестких» организаций. Данная мера предполагает введение трехуровневой системы гражданского контроля. На первом уровне гражданский контроль за деятельностью всех «жестких» организаций должен осуществляться со стороны исполнительной, законодательной и судебной властей. На втором уровне следует предусмотреть гражданский контроль над спецслужбами со стороны правозащитных организаций и Уполномоченного по правам человека в России. На третьем уровне деятельность «жестких» организаций должна контролироваться обществом в целом, для чего необходимо ввести в систему оценки деятельности силовых ведомств индикаторы «общественное мнение о функционировании ведомства» и «общественное мнение о работе сотрудников ведомства»;
- нормы о конфликте интересов, аналогичной той, что содержит законодательство о государственной гражданской службе;
- принципа повышенной ответственности сотрудников «жестких» организаций за совершение ими противоправных деяний. Представляется целесообразным предусмотреть более тяжкое наказание для сотрудников этих организаций в случае выявления случаев коррупции, нарушении прав и свобод человека, служебной халатности и т.д. Наряду с этим представляется важным ввести в законодательство норму о персональной материальной ответственности сотрудников «жестких» организаций за нанесенный их неправомерными действиями / бездействием моральный ущерб;
- запрета на определенные виды занятости при увольнении сотрудников из силовых организаций (запрет на работу в крупных коммерческих организациях в течение трех лет, в частных охранных структурах – в течение пяти лет);
- положения о необязательности исполнения приказов вышестоящего начальства, нарушающих законодательство Российской Федерации. Кроме того, можно ввести санкции за отдачу заведомо преступного приказа, предусматривающие, в числе прочего, увольнение из «жестких» организаций.

Властно-структурная оптимизация предполагает:

- введение принципа «специализации» для каждой «жесткой» организации для исключения дублирования функций и более эффективного решения организационных задач;
- введение четкой номенклатуры ситуаций, требующих вмешательства «жестких» организаций и установление принципа главенства той или иной

спецслужбы в каждом конкретном случае. В частности, можно осуществлять координацию спецопераций с участием различных «жестких» организаций через формирование Штаба временного командования, в который назначаются представители каждой такой организации, участвующей в спецоперации при главенствующем положении представителя той организации, которая непосредственно курирует проводимую спецоперацию;

- введение качественно новой системы оценки деятельности «жестких» организаций, учитывающей сложность и качество решаемых задач. Крайне важно, в частности, соотносить количество раскрытых / предотвращенных преступлений с временными и иными затратами на их расследование, более высоко оценивать работу силовых организаций в случае раскрытия преступлений по «горячим следам». В случае с таможенными и налоговыми органами использовать экономическую оценку эффективности с точки зрения объемов ущерба, которые наносятся раскрытыми / предотвращенными преступлениями. Для оценки профилактической работы «жестких» организаций не использовать критерий снижения правонарушений, а ввести метод оценки профилактики по осуществляемым профилактическим мероприятиям, для оценки потенциала которых необходимо использовать институт общественной экспертизы;

- отказ от практики контроля за сотрудниками «жестких» организаций со стороны ведомственных служб безопасности. Более целесообразным представляется взаимный контроль между «жесткими» организациями.

Кадровая оптимизация деятельности «жестких» организаций предусматривает введение:

- системы психологического тестирования и предварительного собеседования с лицами, готовящимися стать сотрудниками силовых организаций при активном общественном участии, например, членов Общественной палаты РФ;
- обязательного требования о заключении минимального служебного контракта на работу в «жесткой» организации сроком от 10 лет и выше для предотвращения попадания в них т.н. «случайных людей»;
- системы четких и прозрачных правил карьерного роста сотрудников для минимизации личностного фактора в формировании карьеры (неприязненные отношения с начальством, фаворитизм и т.д.).

Структурно-функциональная оптимизация ставит такие задачи, как:

- четкое регламентирование деятельности организационных подразделений;
- введение административной ответственности за привлечение сотрудников на работы, прямо не связанные с их должностными обязанностями;
- внедрение в работу «жестких» организаций административных регламентов на оказание государственных услуг населению.

Использование перечисленных выше рекомендаций, как представляется, может снизить остроту наиболее значимых проблем «жестких» организаций и внести вклад в формирование более стабильного и демократического общества в нашей стране.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ формулируются основные выводы и перспективы дальнейших исследований по теме. В частности, отмечается, что проведенное исследование позволило выявить ряд научных проблем, нуждающихся в дальнейшей теоретической и практической проработке. Например, перспективным направлением дальнейших работ по теме, как нам кажется, является анализ зарубежной экспертной риторики по «жестким» организациям нашей страны ('siloviki' discourse). Другое потенциально интересное направление дальнейших исследований – сравнение экспертной риторики с «народной экспертизой», распространенной в Интернет-сообществе (тематические форумы, обсуждения публикаций и актуальных общественно-политических событий и пр.). Эти и другие направления исследований по данной тематике являются перспективными.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Рыболовлева, Ю.В. Социальное управление в «жестких организациях»: к проблеме классификации теоретико-методологических подходов / Ю.В. Рыболовлева, С.А. Сергеев // Личность. Культура. Общество. - 2008. – Т.10. – №5-6. – С.388-395 (0,67 п.л.).

2. Рыболовлева, Ю.В. «Жесткие» организации России через призму экспертной риторики / Ю.В. Рыболовлева, С.А. Сергеев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского»: Серия «Социальные науки». - 2008. – №3. – С.50-56 (0,72 п.л.).

3. Рыболовлева, Ю.В. Тотальные и квази-тотальные организации: обзор основных концепций /Ю.В. Рыболовлева // Вестник экономики, права и социологии. – 2011. – №2. – С.220-222 (0,27 п.л.).

Публикации в других научных изданиях:

4. Овчинникова (Рыболовлева), Ю.В. Кадровая политика в таможенных органах Республики Татарстан / Ю.В. Овчинникова (Рыболовлева) // «Дни науки» социально-экономического факультета КГТУ. Сб. матер. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов (Вып. VII). 25 апреля 2003 г. – Казань, 2003 (0,13 п.л.).

5. Рыболовлева, Ю.В. Управление карьерой как источник развития организации / Ю.В. Рыболовлева // «Дни науки» социально-экономического факультета КГТУ. Сб. матер. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. 22-23 апреля 2004 г. (Вып. VIII). – Казань, 2004. – С.220-222 (0,13 п.л.).

6. Рыболовлева, Ю.В. Женщина в деловой карьере / Ю.В. Рыболовлева // «Дни науки» Института управления, экономики и социальных технологий КГТУ. Сб. матер. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов. 24 апреля 2005 г. (Вып. X). – Казань, 2005. – С.292-293 (0,13 п.л.).

7. Рыболовлева, Ю.В. Социальное управление в жёстких организациях / Ю.В. Рыболовлева, С.А. Сергеев // Безопасность человека, общества, природы в условиях глобализации как феномен науки и практики. Девятые Вавиловские чтения: мат-лы постоянно действующей междисциплинарн. научн. конф. с международным участием: В 2 ч. / Под общ. ред. проф. В.П. Шалаева. - М.-Йошкар-Ола: МарГТУ, 2005. – Ч.1. – С.323-326 (0,15).

8. Рыболовлева, Ю.В. Карьера в современных организациях / Ю.В. Рыболовлева // Материалы Всероссийской научной конференции «Современное российское общество: состояние и перспективы» (Первые казанские социологические чтения): В 3 т. – Казань, 2006. – Т.3. - С.325-329 (0,41 п.л.).

9. Рыболовлева, Ю.В. К концептуализации понятия «жесткая» организация / Ю.В. Рыболовлева, С.А. Сергеев // Социальные преобразования и социальные проблемы: Сб. научн. трудов (Вып.9). – Н.Новгород: НИСОЦ, 2009. – С.54-79 (1,45 п.л.).